

Научная статья
УДК 378 (470)
doi:10.37614/2949-1185.2023.2.1.010

«ЛИНИЯ УВАРОВА» vs «ЛИНИЯ МАГНИЦКОГО»: ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА В МИНИСТЕРСТВЕ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В 1817–1821 ГОДАХ И ПЕРВАЯ ОТСТАВКА С. С. УВАРОВА

Иван Сергеевич Пустовойт¹, Татьяна Николаевна Жуковская²

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
botanpustovoi@gmail.com

²Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия,
tzhukovskaya@yandex.ru <https://orcid.org/000-0001-9776-0038>

Аннотация

В статье рассматривается отставка С. С. Уварова с должности попечителя Санкт-Петербургского учебного округа в 1821 году как своеобразная развилка не только в истории столичного округа, но и во всей политике просвещения александровского царствования. С момента создания Министерства духовных дел и народного просвещения в 1817 году и назначения министром доверенного лица императора А. Н. Голицына, изменился состав и режим работы экспертного органа МНП — Главного правления училищ. В нем активную разоблачительную деятельность развернули новые члены М. Л. Магницкий и Д. П. Рунич, ставшие опорой Голицына, по существу, его личными экспертами. С. С. Уваров на протяжении нескольких лет боролся с «голицынской партией» за сохранение принципов школьной и университетской реформы, заложенных в законодательстве 1802–1804 годов.

Противостояние внутри МНП, определившее на десятилетие судьбу не только столичного университета, но и общего курса в управлении просвещением, развернулось между «линией Магницкого» и «линией Уварова» и началось еще в 1817 году с вопроса о «втором разряде» Главного педагогического института, в котором Уваров предполагал сосредоточить подготовку учителей начальных училищ с использованием ланкастерского метода. Противостояние перешло в открытые формы в 1819 году по вопросу о закрытии Казанского университета. Во второй половине 1819 года оппоненты Уварова заблокировали в ГПУ конструктивное обсуждение и принятие особого устава для С.-Петербургского университета. В 1820 году противостояние двух партий усугубилось историей с запрещением книги профессора А. П. Куницына «Естественное право» и исключением самого предмета из программы не только Петербургского, но и других университетов. Затем объектом доноительства стал Благородный пансион при С.-Петербургском университете, что привело к кадровым перестановкам, изменению режима обучения и ужесточению дисциплинарного надзора.

На архивных и опубликованных источниках представлена хроника драматических событий рубежа 1810–1820-х годов, когда в результате идеологических диверсий М. Л. Магницкого и Д. П. Рунича происходит смена вектора в политике просвещения в направлении борьбы с принципами, выработанными в 1802–1804 годах: принципами автономии университетов, европейской ориентации в научной и кадровой политике, избирательности и мягкости сословных рамок в школьной системе.

Ключевые слова:

С. С. Уваров, М. Л. Магницкий, Д. П. Рунич, учебный округ, попечитель, история Санкт-Петербургского университета, Главное правление училищ, контрреформы

Для цитирования:

Пустовойт И. С., Жуковская Т. Н. «Линия Уварова» vs «линия Магницкого»: идеологическая борьба в Министерстве народного просвещения в 1817–1821 годах и первая отставка С. С. Уварова // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 2, № 1. С. 111–125.
doi:10.37614/2949-1185.2023.2.1.010.

Original article

“THE LINE OF UVAROV” vs “THE LINE OF MAGNITSKY”: THE IDEOLOGICAL STRUGGLE IN THE MINISTRY OF PUBLIC EDUCATION IN 1817–1821 AND THE FIRST RESIGNATION OF S. S. UVAROV

Ivan S. Pustovoi¹, Tatiana N. Zhukovskaya²

¹St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, botanpustovoi@gmail.com

²St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia,
tzhukovskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/000-0001-9776-0038>

Abstract

The article discusses the resignation of S. S. Uvarov from the post of trustee of the St. Petersburg educational district in 1821, a kind of fork in the history of the capital district, but also in the entire policy of education of the Alexander reign. Since the establishment of the Ministry of Spiritual Affairs and Public Education in 1817 and the appointment of a trustee of Emperor A. N. Golitsyn, the composition and mode of operation of the expert body of the MNP — the Main Board of Schools — has changed. In it, active exposing activities were launched by new members of M. L. Magnitsky and D. P. Runich, who became the mainstay of Golitsyn, in essence, his personal experts. S. S. Uvarov fought for several years with the “Golitsyn party” for the preservation of the principles of school and university reform, laid down in the legislation of 1802–1804.

The confrontation within the MNP, which determined for a decade the fate of not only the metropolitan university, but also the general course in the management of education, unfolded between the “Magnitsky line” and the “Uvarov line” and began as early as 1817 on the issue of the “second category” of the Main Pedagogical Institute, in which Uvarov intended to concentrate the training of elementary school teachers using the Lancaster method. The confrontation turned into open forms in 1819 on the issue of closing the Kazan University. In the second half of 1819, Uvarov's opponents blocked a constructive discussion in the GPU and the adoption of a special charter for St. Petersburg University. In 1820, the confrontation between the two parties was aggravated by the history of the prohibition of the book of Professor A. P. Kunitsyn “Natural Law” and the exclusion of the subject itself from the program not only of St. Petersburg, but also of other universities. Then the Noble boarding school at St. Petersburg University became the object of denunciation, which led to personnel changes, a change in the mode of education and a tightening of disciplinary supervision.

Based on archival and published sources, a chronicle of the dramatic events of the turn of the 1810s–1820s is presented, when, as a result of ideological sabotage, M. L. Magnitsky and D. P. Runich, there is a change in the vector in the policy of education in the direction of fighting the principles developed in 1802–1804: the autonomy of universities, the European orientation in scientific and personnel policy, the selectivity and softness of the class framework in the school system.

Keywords:

S. S. Uvarov, M. L. Magnitsky, D. P. Runich, educational district, curator, history of St. Petersburg University, General Board of Schools, counter-reforms

For citation:

Pustovoyt I. S., Zhukovskaya T. N. “The line of Uvarov” vs “the line of Magnitsky”: ideological struggle in the Ministry of Public Education in 1817–1821 and the first resignation of S. S. Uvarov. *Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities*, 2023, vol. 2, no. 1, pp. 111–125. doi:10.37614/2949-1185.2023.2.1.010.

Имя С. С. Уварова в общественном сознании и научном дискурсе прочно связано с обоснованием консервативной государственной идеологии, заключенной в триаде «православие, самодержавие, народность», которая во время Николая I определяла образовательную и литературную политику и влияла на общественные настроения. В этой связи взгляды и биография Уварова 1830–1840-х годов освещаются преимущественно как траектория идеолога консерватизма, хотя и с некоторыми оговорками. Исследователи увлечены интерпретацией в этом контексте программных записок и трактатов, вышедших из-под его пера в период наибольшего государственного влияния [1–3]. Таким образом, одномерный образ Уварова-консерватора, охранителя, карьериста, созданный еще советской историографией в угоду политической конъюнктуре, остается не только непересмотренным, но и закрепляется новыми исследованиями по истории общественно-политической мысли. Многолетняя деятельность Уварова-министра по организации науки и системы образования и тем более ранний период его карьеры администратора просвещения остаются на периферии научного внимания.

Наша статья ставит целью проследить причины, логику и этапы конфликта С. С. Уварова, с 1811 года стоявшего во главе столичного учебного округа, с контрреформаторами просвещения, которые оформились во влиятельную силу в министерстве А. Н. Голицына под его непосредственным покровительством. Нами привлечены документы и материалы из Российского государственного исторического архива, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский дом), которые позволяют детально проследить столкновения Уварова с идейными оппонентами в ГПУ, оценить его реформаторские проекты конца 1810-х годов и причины их блокировки. Используются также опубликованные законодательные и делопроизводственные документы, источники личного происхождения, в том числе автобиографические записки самого Уварова, которые отражают внутренние мотивы тех или иных решений, их общественное восприятие.

Анализ идеологических обоснований и итогов административной деятельности Уварова как попечителя столичного учебного округа (1811–1821) говорит о ней как о просветительской по духу, европейски ориентированной, последовательно реформаторской и эффективной, причем сразу

на нескольких направлениях. Его заслуги перед российским просвещением уже в эти годы сравниваются с заслугами М. В. Ломоносова [4: 147].

С. С. Уварова в те годы отличала приверженность идеологии умеренного либерализма, бывшего до 1821 года официальным политическим курсом, и стремление дать отечественной системе просвещения «твердое основание»¹, в том числе путем заимствования западных (немецких, французских) моделей организации преподавания, номенклатуры наук, режима управления учебными заведениями.

Гимназическая реформа Уварова 1811 года, пересмотр учебных планов в Педагогическом и Главном педагогическом институтах (далее соответственно ПИ и ГПИ), приглашение в университет и Академию наук иностранных ученых, открытие новых кафедр и направлений преподавания, наконец, организация в 1819 году на базе ГПИ Санкт-Петербургского университета — вот «красноречивые памятники»² трудов Уварова на должности попечителя [5]. Его долговременное руководство МНП (1833–1849) во многом следовало тем же установкам на превращение школы и просвещения в инструмент модернизации России [6].

В первое десятилетие реформ Александра I эти установки были господствующими. В духе «Временных правил народного просвещения» и университетских уставов 1803–1804 годов была выдержана деятельность первых попечителей учебных округов М. Н. Муравьева, Н. Н. Новосильцева, С. О. Потоцкого, А. Чарторыйского, Ф. Клингера и др. Уже при министре А. К. Разумовском многое изменилось.

В конце 1810-х годов в своей приверженности принципам 1804 года, культу науки и формам «гумбольдтовского» университета Уваров, конечно, не оставался в полном одиночестве, когда действовал в рамках МНП и его подразделений, таких как ГПУ, где принимались ключевые решения. Он, разумеется, мог опереться на своих сотрудников по Академии наук в лице ее неперменного секретаря Н. И. Фуса, на других ученых, привлекаемых в качестве экспертов при обсуждении организационно-научных и цензурных вопросов. К нему оставался близок И. И. Мартынов, бывший директор Департамента народного просвещения, в прошлом издатель либерального журнала «Северный вестник», профессор эстетики и конференц-секретарь Педагогического института.

Однако, важно обратить внимание на то, что эти люди в министерстве А. Н. Голицына уже не имели прежнего влияния или же сознательно сузили сферу своей активности в МНП. Так, И. И. Мартынов, один из идеологов образовательных реформ 1803–1804 годов и авторов учредительных документов, в том числе университетских уставов, определявший кадровую политику в первые десятилетия реформ по должности директора Департамента МНП, к тому времени утратил влияние, оставил преподавание и журнальную деятельность, сосредоточившись на литературных трудах. Н. И. Фус, как ближайший помощник Уварова по Академии наук, не мог столь же активно участвовать в экспертной деятельности, как во время обсуждения реформы университетов в 1802–1804 годах. Фус и Мартынов время от времени представляли в ГПУ свои «мнения» по поводу рассматриваемых дел, отличные от возобладавшей «разоблачительной» установки, но делали это в нейтральной и мягкой форме. Так, в ходе «дела профессоров» С.-Петербургского университета 1821–1822 годов Фус встал в защиту Уварова, обвиненного Руничем в распространении «богохульственного» преподавания философии, истории и статистики. Тогда Фус подчеркнул, что Уваров «без сомнения представлял к наградам профессоров, отличившихся ученостью, деятельностью и способностью к преподаванию вообще, и притом в такое время, когда большая часть упомянутых мест еще не была почитаема подозрительной»³. Защита Фусом Уварова и университетского преподавания имела бы смысл до отставки Уварова, теперь же она только раздражала враждебную «партию» и не повлияла на итоговые решения. Никто не обратил на мнение Фуса должного внимания [7: 158], и кампания против профессоров продолжилась.

И. И. Мартынов оставил критические отзывы о цензуре в годы министерства Голицына на страницах своих воспоминаний под названием «Всячина»⁴. Однако при обсуждениях острых вопросов в ГПУ и его Ученом комитете он хоть и высказывался объективно по ряду вопросов, но явно уклонялся от полемики с Магницким и Руничем⁵. Таким образом, имея на своей стороне опытных и в прошлом активных администраторов просвещения, Уваров не мог превратить их в стойких союзников, тем более организовать группу активного противостояния реакционерам. Ни Фус, ни Мартынов не выступили в защиту Уварова в ходе затянувшегося обсуждения проекта устава С.-Петербургского университета, на который первоначально оба дали развернутые и в целом положительные отзывы⁶. Позже Мартынов согласился с Руничем по поводу удаления из университета Германа, Раупаха, Галича, Арсеньева,

Деманжа и Шармуа, а также с решением запретить преподавание для Германа и Раупаха в каком-либо ведомственном учреждении⁷.

Могли поддержать Уварова и некоторые другие члены ГПУ. Беда была в том, что часть их к 1819 году потеряла прежнее влияние и лишь номинально числилась в руководстве МНП, другие были слишком осторожны или загружены иными делами, как тот же Н. И. Фус и И. С. Лаваль. Вместо прежних еженедельных заседаний ГПУ, в которых участвовали все попечители округов, деятельность этого органа при А. Н. Голицыне сконцентрировалась в малочисленном Ученом комитете. Именно здесь чрезвычайную активность развили новые члены ГПУ М. Л. Магницкий, Д. П. Рунич и А. С. Стурдза. Эту группу сформировал, оказывая ей доверие, А. Н. Голицын, пользовавшийся, в свою очередь, безраздельным доверием императора.

Можно согласиться с тем, что Уваров переоценил прочность своего положения и «властного ресурса» [8: 14]. Он действительно не мог предположить, что в противодействии контрреформаторскому направлению в просвещении, которое на тот момент стало господствующим, император окажется не на его стороне. Мог ли Уваров найти поддержку в профессорской среде, в чем названные исследователи усомнились, считая Уварова высокомерно удаленным от нее [8: 14]? Конечно, мог, поскольку он непрерывно коммуницировал с «ученым сословием», о чем свидетельствуют еженедельные записи в журнале Конференции профессоров и нередкие визиты попечителя в университет. Однако сама эта среда тогда не имела никакого влияния на центры принятия решений, оставаясь лишь объектом администрирования, не использующим даже те возможности, которые предоставлялись ей университетскими уставами.

Уваров в своих воспоминаниях описал события тех лет мрачными красками. По его собственным словам, он в последние годы своего попечительства «ввязался в решительный бой с влиянием мистической партии и пал в неравной борьбе, посреди кризиса, который охватил тогда все умы». Он признавал, что чересчур увлекся либеральными настроениями императора Александра I, за что так жестоко поплатился в годы реакции, оказался в плену «разочарований и ошибок», проиграв борьбу с идейными противниками и личными врагами. «Кончаешь всегда тем, — писал он, — что дорого платишь за то, что вначале более всего услаждало молодость, ...и никто не отдает себе отчет о неминуемой реакции, которую произведет гибкая логика вещей. Большинство мечтаний, порожденных во мне эксцентричными настроениями императора Александра, исчезло, и, конечно, я должен был бы изнемогнуть перед таким количеством следовавших одна за другой ошибок...»⁸. Таким образом, в представлении самого Уварова, конфликт с оппонентами в министерстве и последующая отставка стали «переломным моментом» [9: 128] в его жизни и карьере. После этого кризиса он не мог не изменить если не свои взгляды, то стратегию поведения, что истолковывается историками, как и многими современниками, как его дрейф в сторону консерватизма.

Реакционный поворот в политике Александра I стал наиболее чувствительным для сферы идеологии и просвещения, его олицетворением стал «духовный наставник» [10: 145] императора А. Н. Голицын, с которым императора связывали близкие отношения с самого детства. Но Голицын по своему характеру мало походил на человека, который мог бы стать серьезным руководителем и реформатором. «Я от природы робкий заяц», — писал он в своих «Записках духовно-нравственного содержания»⁹, также замечая, что его цель заключалась только в том, чтобы оставаться «подле императора». Но по причине близости религиозно-мистических (впрочем, искренних) переживаний Голицына настроениям императора последний оказывал другу безраздельное доверие, имел на него «виды» [11: 338] как на ключевую государственную фигуру. Поэтому он назначил Голицына обер-прокурором Святейшего Синода, а затем в 1816 году министром народного просвещения.

Это назначение не отвечало задачам продолжения развернутых в предыдущее десятилетие реформ системы просвещения, более того, оно эти реформы остановило. Мало того что Голицын был далек от сферы просвещения, довольно слабо представлял себе структуру и задачи университетского образования [10: 124, 146, 153], он всерьез увлекся религиозным мистицизмом крайнего толка [12: 145–146] и начала веры полагал в основу политического устройства в духе Священного союза. Сомнение в истинах Священного Писания он расценивал как покушение на миропорядок и законную власть, почему, по его мнению, «системам новейших ученых», которые он считал причиной революций в Европе, следовало поставить «твердые преграды» [13: 69]. Итогом таких умозаключений Голицына стала его известная административная реформа — образование 27 апреля 1817 года «сугубого»

[14: 174] Министерства духовных дел и народного просвещения, сделавшая неизбежной клерикализацию образования и подчинение научной мысли главенству веры. В указе об образовании нового министерства говорилось, что его цель в том, чтобы «истинно христианское благочестие всегда служило основанием просвещению умов»¹⁰.

Определенное таким образом назначение министерства представлялось Голицыну на тот момент вполне соответствующим его жизненным и религиозным установкам, что подтверждается его собственноручными «Записками духовно-нравственного содержания». В них он писал, что служит только Богу, что его стремление — «ясно доказать близкое пришествие Господа, и, не жалея сил, молиться, ...предая себя Богу совершенно»¹¹. Однако для окружения министра программа нового «религиозно-утопического» министерства становилась предметом манипулирования. Современник событий В. И. Панаев метко замечал, что в увлечении верой у Александра I «явились последователи, подражатели; одни, как и он сам, по искреннему убеждению, другие, и, разумеется, большая часть, *по расчету*». К первой группе Панаев относил Голицына, а ко второй — Магницкого¹². В итоге Голицын как человек «слабохарактерный» [15: 298] оказался «в сетях» людей лицемерных и амбициозных, которые вскоре превратили новообразованное министерство, по словам ректора С.-Петербургского университета М. А. Балугьянского, в подобие «инквизиции»¹³, играя на религиозности министра и императора.

Имеет смысл остановиться на характеристике «новых реформаторов» просвещения и степени их практического участия в делах МНП подробнее, чтобы лучше понять, с кем пришлось столкнуться Уварову в последние годы управления столичным округом.

Дипломат и переводчик А. С. Стурдза, ставший в 1818 году по приглашению Голицына членом Ученого комитета ГПУ и занявшийся цензурованием учебных книг, разработал для Ученого комитета реакционную «Инструкцию», согласно которой любая научная литература, где подвергалось сомнению учение Евангелия и рассказывалось, например, о «первобытном состоянии» человека, происхождении власти не от Бога, строении Земли в форме шара, запрещалась и подлежала уничтожению¹⁴.

Куда более громко заявили о себе два других протеже Голицына — «апостол зла»¹⁵ М. Л. Магницкий и его «подражатель»¹⁶ Д. П. Рунич, которые своими разрушительными действиями и попытками оформить их в идеологическую программу олицетворяли эпоху «сугубого» министерства. Оба эти деятеля до прихода на службу в МНП пережили опалу, Голицын фактически дал обоим шанс выстроить карьеру заново — уже по ведомству просвещения. Магницкий пережил ссылку, в которую попал, будучи «правой рукой» М. М. Сперанского. Рунич, некогда московский почт-директор, был возвращен Голицыным на службу, пробыв до этого несколько лет не у дел и дойдя до состояния полной нищеты¹⁷. В результате бывшие «вольнодумцы» и масоны Магницкий и Рунич поняли, что залог успеха в новых идейных рамках бюрократической деятельности — заниматься не реальной административной работой, а «надевать на себя маску защитников алтарей и тронов»¹⁸ и громко разоблачать тех, кого можно объявить противниками господствующего направления. Таким образом, возвышения добились те, кто стал яркими разоблачителями принципов предыдущего пятнадцатилетия реформ: академической свободы, университетской автономии, европейской ориентации, светского характера образования, его относительной бессословности и всеобщности.

Магницкий, став в 1819 году благодаря Голицыну членом ГПУ, являл собой «самую злую»¹⁹ фигуру министерства. Ради собственного возвышения он в 1819 году учинил «пресловутую» [16: 486] ревизию Казанского университета, в результате которой нашел университетское преподавание «вредным» во многих отношениях. Он представил Казанский университет «находящимся на краю падения» и напрасно израсходовавшим отпущенные ему средства, в силу чего предложил показательно уничтожить его «в виде публичного разрушения»²⁰. Хотя это предложение не нашло отклика у Александра I и университет уцелел, Магницкий по решению императора получил должность попечителя Казанского учебного округа и принялся «реформировать» подведомственный университет, превратив его в подобие «католического монастыря» или «иезуитского коллегіума» [17: 58, 66–67]. Для реализации своих идей и перестройки управления университетом Магницким была составлена в 1819 году «Инструкция» директору Казанского университета, в которой «почитание» было признано высшим критерием как для студентов, так и для преподавателей и университетской администрации. В стенах университета был установлен жесткий надзор, практиковались частые коллективные молебны и шествия, учебные дисциплины должны были

читаться в духе, не противоречащем религии, любые дисциплинарные нарушения со стороны студентов карались заключением в «комнате уединения» по типу карцера²¹.

Влияние Магницкого с 1819 года все усиливалось, из-под его пера выходили новые разоблачительные трактаты с критикой научных сообществ, отдельных западных и российских авторов, принципов руководства просвещением, университетов, якобы «подкопанных... у самого основания» слепым подражанием их германским прообразам²², университетских профессоров, в которых он видел растлителей душ юношества, безбожников и заговорщиков. «Наконец признаюсь, — объявлял Магницкий членам ГПУ в 1821 году, — что я трепещу пред всяким систематическим поверием философии, сколько по непобедимому внутреннему к нему отвращению, сколько и особенно потому, что в истории XVII и XVIII столетий ясно и кровавыми литерами читаю, что сначала поколебалась и исчезла вера, потом взволновались мнения переменою значения и подменою слов, и от сего неперменного и как бы литературного подкопа алтарь Христов и тысячелетний трон древних государей взорваны! Кровавая шапка свободно оскверняет голову помазанника Божия и повергает ее на плаху! Вот ход того, что называли тогда только философия и литература, и что называется ныне уже либерализм!»²³.

Видную роль в министерстве Голицына стал играть Д. П. Рунич, который, несмотря на масонский опыт, имел довольно сумбурные религиозно-философские представления, был малосведущим в науках «положительных» и по крайней мере не готовым к работе в сфере просвещения [7: 155]. Он также получил в 1819 году должность члена ГПУ и Ученого комитета при нем. Вероятно, этому возвышению способствовала прежняя служба Рунича под началом Голицына в почтовом департаменте, где он в годы наполеоновских войн наладил службу перлюстрации писем [18: 107]. В МНП он развил свою активность в двух направлениях: разоблачительной критики рукописей и уже изданных сочинений, проходящих рассмотрение в Ученом комитете, а также в многочисленных прямых доносах на имя министра о неурядицах в учебной сфере. Большая часть этих доносов касалась дел столичного учебного округа, подконтрольного Уварову. Действуя в первом направлении, Рунич писал бойкие и пространные разборы ученых сочинений и диссертаций, выступая в роли эксперта по идеологии. Не будучи специалистом ни в одной сфере знаний, он стал самым активным участником заседаний Ученого комитета, разбирая поступающие на экспертизу сочинения. Он судил о них по «формальным признакам», с точки зрения полноты и «правильности изложения», качеству слога, «отсутствию противоречий», и, естественно, отвергал те книги, которые были «несогласны с духом Св. Писания» [13: 34–35].

Если взглянуть на состав Ученого комитета, то можно видеть, что в августовских заседаниях 1819 года, например, участвуют только двое его членов — И. С. Лаваль и Н. И. Фус, причем первый вскоре отбывает в отпуск. Тем самым были прекращены коллегиальные собрания. В этот момент Рунич становится важнейшей персоной в комитете, рассматривая лично практически каждую книгу и таким образом нередко выдавая свое заключение за решение комитета. За первые полгода пребывания в комитете Рунич подверг разбору восемь книг и диссертаций²⁴, а также сумел стать необходимым звеном в экспертной структуре МНП и незаменимым помощником в глазах Голицына. В то же время активность Уварова и мера его участия в делах Ученого и цензурного комитетов сокращались. Став в январе 1818 года президентом Академии наук, он перенес свою активность в ее стены.

Другое поле активности Рунича было связано с его давней завистью по отношению к Уварову, что легко проследить по его собственным автобиографическим «Запискам». Рунич считал, что успех Уварова определен не его талантами, образованностью, активностью, а аристократическим происхождением, семейными и придворными связями. Он с неприкрытой злобой отзывался о нем и результатах его деятельности как попечителя. «Тесть — министр, — писал об Уварове Д. П. Рунич в своих «Записках», — дядя — министр, множество родственников, занимавших самые высокопоставленные должности, придавали ему вес в обществе и облегчали ему возможность сделать блестящую карьеру. Он захотел уничтожить все, что существовало до него, и Педагогический институт, принесший немалую пользу, должен был уступить место университету, коего план зародился в его обширном воображении»²⁵. Нетрудно догадаться, почему Рунич, едва придя в министерство, начал вести «подкоп» под Уварова, используя обычную тактику карьериста — чем больше найдется «неурядиц» в деятельности объекта критики, тем больше возвысится разоблачитель. Он заваливал Голицына доносами о том, что С.-Петербургский университет при Уварове носит «одно лишь имя», что это — «здание без прочного плана и основания, которому надлежало развалиться», и находится

в «совершенном ничтожестве»²⁶. Приемы разоблачений он заимствовал у Магницкого и не раз прямо на него ссылаясь, не случайно Н. И. Греч назвал Рунича «карикатурой» Магницкого²⁷. Так Рунич дискредитировал идеи и итоги десятилетней деятельности Уварова в учебном округе еще до 1821 года и его отставки. Заняв место Уварова, он несколько следующих лет продолжал разоблачать «неустройства» вверенного ему округа, оценивая их как результат вредоносной деятельности предшественника и пытаясь отвести внимание от собственных административных просчетов.

Посредством интриг, доносов и громких разоблачений приближенным Голицына удалось стать господствующей «партией» в МНП. Экспертные и контролирующие органы министерства — ГПУ и его Ученый комитет — оказались составлены почти исключительно из «доблестных рыцарей и сподвижников мистицизма и меттерниховской реакции» [19: 129], искоренявших свободу науки в форме запретов, разоблачений, личных преследований под видом борьбы с влиянием Запада и идеями Просвещения.

Таким образом, переучрежденное Голицыным Министерство духовных дел и народного просвещения взяло откровенно контрреформаторский курс и грозило полным разрушением едва сложившейся российской системы просвещения. Это разрушение представлялось как новый поворот в сфере идеологии, литературы, образования. Уваров же в 1819–1821 годах был единственной крупной фигурой в МНП, кто активно и последовательно выступил против нового курса. Эта позиция прослеживается и в его решениях по делам столичного учебного округа, и в его публичных речах этого периода, и в его мнениях, представленных в ГПУ, и в его открытых столкновениях с Магницким и Руничем и, наконец, в его протестном письме на имя Александра I 18 ноября 1821 года по «делу профессоров», где Уваров призывал императора остановить реакционеров, союз с которыми «с ужасом отвергал»²⁸.

При этом репутация фаворитов Голицына в общественно-литературных кругах была отчетливо негативной, а их намерения «свалить» Уварова и тем самым возвыситься самим — достаточно очевидны. Н. И. Тургенев писал брату в 1821 году: «Жаль терять слова и чернила, когда вспомнишь, кто управляет просвещением народным...»²⁹. Политическая позиция основателя «Арзамаса» Уварова в это время была максимально близка Тургеневым и отражает его принадлежность к «дворянскому» либерализму той эпохи [20]. Не случайно политически заостренная программная речь Уварова, произнесенная на открытии двух кафедр восточных языков в ГПИ 22 марта 1818 года, взбудоражила общество, которое на протяжении нескольких месяцев активно обсуждало концепцию «духа времени», который делает перемены, в том числе политические, неизбежными³⁰. Тот же Н. И. Тургенев написал об этом выступлении: «Вчерашнее чтение было замечательно речью Уварова, в которой много хорошего и не говоренного до сего времени на языке российском»³¹.

Все, что было сделано Уваровым за десять лет управления округом в отношении ПИ, ГПИ и С.-Петербургского университета, гимназий и начальных училищ, распространения ланкастерских школ, подготовки народных учителей, оживления деятельности Академии наук, президентом которой он стал в январе 1818 года, а также все, что он заявлял публично и в переписке с друзьями-«арзамасцами», не обнаруживало в нем готовности подчиниться новому течению в министерстве. Можно сказать, что Уваров и его оппоненты принадлежали к разным историко-культурным эпохам и типам администраторов. С точки зрения результатов практической деятельности Уваров был просвещенным бюрократом, притом очень успешным, а Рунич и Магницкий со своим религиозно-философским обоснованием контрреформ оказались утопистами и разрушителями. Более века назад А. Н. Пыпин отмечал: «Магницкому мешали не Герман или Раупах; они пригодились ему как аргументы, чтобы доказать распространение губительного вольнодумства, следовательно, свергнуть Уварова, в котором он видел опасного противника своим планам» [21: 149–150].

Противодействие проектам Уварова началось еще в 1817 году, когда в ГПУ обсуждался план создания «второго разряда» Главного педагогического института для подготовки народных учителей. Противниками этого проекта выступили введенные в ГПУ в качестве членов митрополит Филарет и ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии³² Иннокентий. Уваров настаивал на немедленном открытии подразделения для подготовки учителей, которое «не терпит отлагательства», поскольку «дорога каждая минута, когда наше просвещение есть шаткое здание на песке». Он намеревался открыть «второй разряд» не позже 1 января 1818 года, но так и не добился этого³³. В 1819 году, после образования С.-Петербургского университета, этот план обсуждался вновь, уже в форме создания Учительского института

при университете. Просуществовав всего три года и сделав единственный выпуск, Учительский институт, деятельность которого плохо документирована и не изучена, был закрыт Д. П. Руничем³⁴.

По мнению «новых реформаторов» прежние принципы руководства образованием, основанные на идеях Просвещения, не поддавались «лечению», их можно было только «вырвать с корнем» [22: XLIII]. Пример такого отношения продемонстрировал Магницкий, когда по итогам своей ревизии Казанского университета в 1819 году приговорил его к уничтожению. В защиту этого университета выступил только Уваров, последовательно в иронической форме развенчав обвинения самого «обличителя» в своем пространном обращении в ГПУ 24 мая 1819 года. Он назвал судьбу Казанского университета «выходящей из пределов обычных рассуждений» комитета, выразив надежду, что этот эпизод и это рассуждение будет «первым и последним сего рода»³⁵. Уваров заметил, что закрытие университета «есть способ исправления легчайший, но каждый член ГПУ почувствует, конечно, горечь при одной мысли о необходимости такого разрушения и с прискорбием решится подписать смертный приговор государственному установлению, занимающему не последнее место в возникающей системе народного просвещения». Если же нет никакой другой возможности «исправить» Казанский университет, то тогда «смертный приговор», по мнению Уварова, должен был быть произнесен «не по форме», предлагаемой Магницким, и уж тем более не в связи с его обвинениями³⁶. Уваров настаивал, что «по законам естественного правосудия» Казанский университет имеет право на защиту и отстаивание своего достоинства. Он считал, что в этом деле правительство «не все тщательно обдумало» и, кроме того, само недостаточно обращало внимание на состояние университета. «Можно ли упрекнуть небрежно вспаханную борозду в том, что погибли семена, неосторожной рукой по ней разбросанные?». В качестве аргумента Уваров имел смелость сослаться на учреждение Санкт-Петербургского университета как на «неоспоримое и торжественное» доказательство того, что «в глазах венценосного друга наук и человечества» [то есть Александра I. — *И. П., Т. Ж.*] господствующая система просвещения «не стоит посреди Европы с поднятым кинжалом»³⁷. Оппонируя Магницкому в ироничном тоне, доводя в своих репликах его инвективы до абсурда и понимая, что тем самым вызывает на себя его гнев, Уваров сознательно обострял противостояние двух «партий» в руководстве просвещением. Возможно, он надеялся, на расположение и уважение министра, который за три месяца до начала «казанской истории» без проволочек и поправок утвердил его проект преобразования ГПИ в Санкт-Петербургский университет и законодательные основания его нового существования («Первоначальное образование С.-Петербургского университета»). Пример С.-Петербургского университета Уваров использовал в качестве аргумента в защиту Казанского, доказывая, что университетские профессора не могут нанести «святотатственные удары по престолу царей»³⁸, наоборот, университет в России, созданный по европейскому образцу, принесет неоспоримую пользу, готовя ежегодно для страны компетентных ученых, преподавателей и чиновников. Уваров не только представил Магницкого демагогом, но и назвал противными здравому смыслу и политически вредными репрессивные меры «относительно целого сословия государственного [то есть «ученого сословия». — *И. П., Т. Ж.*], назначаемого перед лицом отечества к политической смерти».

В итоге Казанский университет решено было сохранить, но передать под управление «ревизора» Магницкого, назначенного попечителем округа (по личному выбору императора). Ответом Уварову была резкая критика его собственной деятельности и составленного им проекта особого устава для С.-Петербургского университета. Критики, наиболее рьяным из которых не случайно стал Магницкий, стремились показать, что только что созданный университет является столь же вредоносным элементом системы, на разрушение которой направлялись усилия контрреформаторов просвещения. Изобличив принципы организации нового университета как опасные «готические формы» (то есть копирование устаревших немецких образцов), а его деятельность как опасную с точки зрения прочности государства и престола, можно было уничтожить и самого Уварова.

По этому сценарию разворачивалось более чем двухлетнее обсуждение пространного устава С.-Петербургского университета, представленного Уваровым в мае 1819 года [23], которое, несмотря на попытки Уварова развернуть ответ и на конструктивную, и на необоснованную критику, закончилось для него устранением от обсуждения. Мнения критиков Уваров последовательно разобрал в своем ответе. «Извлечения» из всех уже поданных мнений были сведены воедино для повторного рассмотрения, но собрание ГПУ 11 декабря 1819 года, по сути, окончательно отвергло уваровский проект устава. А. Н. Голицын официально вручил Уварову изложение претензий к его уставу, что

вызвало необходимость его коренной переработки, согласования во всевозможных комиссиях и фактически его похоронило. Поражение Уварова подчеркивалось фактом того, что тут же без каких-либо изменений была утверждена «Инструкция ректору и директору Казанского университета», составленная М. Л. Магницким, которая абсолютно противоречила не только идеям Уварова, но и самому духу и принципам университетских уставов 1804 года. Биограф Уварова заключает, что в этот момент «столкнулись два взгляда на высшее образование, и победил Магницкий» [24: 93–94]. Сам проект устава для Санкт-Петербургского университета, несмотря на вмешательство профессорской коллегии в его критику и исправление, так и остался недоработанным, а его первоначальная (уваровская) редакция считается утраченной. Это поражение Уварова в борьбе с личными оппонентами, поддержанными министром и самим императором, стало для него наглядным и болезненным уроком. Уваров счет необходимым просить отставки весной 1821 года, ссылаясь на расстроенное здоровье и не дожидаясь более резких и развязных выпадов своих врагов.

Еще одним эпизодом, подорвавшим остатки влияния Уварова, стало дело профессора С.-Петербургского университета А. П. Куницына в 1820 году, связанное с запрещением его изданного курса лекций «Право естественное». Его книга была категорически осуждена, запрещена к использованию, ее тираж уничтожен. Невинные положения теории права, которые в течение полутора десятилетий преподавались во всех университетах (и в Царскосельском лицее) были названы главным критиком Куницына Д. П. Руничем «олицетворением террора и революции», сборником «пагубных лжеумствований», которые «ввел в моду Ж. Ж. Руссо и проповедовал Ж. П. Марат», «кои волновали и еще волнуют горячие головы поборников прав человека и гражданина минувшего и настоящего столетий»³⁹. Д. П. Рунич, явно рассчитывая занять место Уварова, клеймил профессора «уваровского призыва» и вынес суровый приговор. «Надлежало бы, — восклицал он, — списать всю книгу при исчислении всех подобных мест, столько же отвратительных, как и ядовитых, но и сии очевидно свидетельствуют святотатственное нападение на божественность Святого откровения, тем более опасное, что оно покрыто широким плащом философии!»⁴⁰. Это был выпад и в адрес попечителя, который допустил «богопротивные» и противогосударственные умствования в стенах вверенного ему университета. Магницкий поддержал обвинения Рунича, умножив их и изображая профессора злоумышленником и карбонарием. Осторожная попытка Уварова защитить Куницына, известного юриста и журналиста, представив в ГПУ «особое мнение» по его делу, не имела успеха. Лично в заседаниях, где его противники разоблачали Куницына, он не присутствовал, но рискнул «чистосердечно» просить у ГПУ и министра, приговоривших книгу, хотя бы снисхождения для ее автора и сохранения за ним профессорского звания и «возможности продолжать службу на пользу Отечества и науки»⁴¹. Однако преподавание Куницыну было запрещено.

Во время дисциплинарного скандала в университетском Благородном пансионе в январе 1821 года, раздутого его директором Д. А. Кавелиным и превращенного им чуть ли не в «заговор» воспитанников, Уварову снова пришлось прибегнуть к тактике оправданий. Директор пансиона Д. А. Кавелин, многим обязанный Голицыну, представил ему 24 марта 1821 года пространный рапорт, который переносил всю вину за «беспорядки» в пансионе на Уварова. Состояние Благородного пансиона описывалось как «критическое и опасное», поскольку, как было сказано, «общее в нем неповиновение и дух буйства и лжемудрия являются открыто в происшествиях почти ежедневных»⁴². В итоге в пансионе сменился состав надзирателей, ужесточились дисциплинарные правила, режим обучения. В то же самое время Уварову пришлось защищать созданный им Учительский институт при университете, о котором выше уже говорилось. Магницкий заявлял, что институт, обучение в котором предполагало использование учителями в дальнейшем методов Дж. Ланкастера, есть «пропаганда квакерской секты, никуда для нас негодная и даже вредная»⁴³, и где нет «ни сносного учения, ни доброго духа»⁴⁴. Уваров обратился к Голицыну с просьбой сохранять в делах беспристрастность и дать ему шанс лично ответить за обнаруженные «неустройства» и происшествия в подконтрольном ему округе. «Прошу... принять в уважение, что я теперь или позже, равным образом ничего не требую и ничего не ожидаю, [кроме] как беспристрастного и открытого исследования моих действий по всему кругу моей деятельности в службе», — писал Уваров министру 12 января 1821 года⁴⁵. Что касается обвинений в неустройствах в университетском Благородном пансионе, Уваров более месяца пункт за пунктом разбираал обвинения Кавелина⁴⁶, ведомого Магницким и Руничем [25: 35], и доказывал их неосновательность. Однако Голицын не прислушался к Уварову, предпочтя и дальше слушать его оппонентов.

Это стало последней каплей, повлиявшей на решение Уварова отставить «поле битвы». 2 апреля 1821 года он обратится к Голицыну с просьбой об увольнении с должности попечителя и члена ГПУ. Ссылаясь на «нынешнее положение здоровья», он предложил министру назначить попечителем того, кого он «заблагорассудит» выбрать. При этом он предупреждал Голицына, сколь трудна и важна эта должность, поскольку обязанности по ней требуют «едва ли не непрерывной деятельности»⁴⁷. Воспользовавшись разрешением, Уваров вскоре уехал в отпуск в свои имения. Но его отставка была окончательно решена только по возвращении, 19 июня 1821 года. Александр I утвердил ее⁴⁸. Естественно, что назначение на его место Рунича, одного из главных личных врагов и «разрушителей» его дела, Уваров переносил тяжело.

В сентябре 1821 года Руничем было начато разбирательство по «делу профессоров» С.-Петербургского университета Э. Раупаха, А. И. Галича, К. И. Арсеньева и К. Ф. Германа, обвиненных в пропаганде неверия и антигосударственных идей. В начале ноября оно превратилось в бесцеремонные, нарушающие нормы закона и академические традиции допросы обвиняемых. Допросы вел сам Рунич прямо в заседаниях университетской Конференции. Репутация университета и всех его членов оказалась под угрозой. В этих обстоятельствах Уваров, сохранивший связь с профессорской корпорацией, постарался придать невиданному «судилищу» возможную гласность, чем обеспечил публичное сочувствие профессорам и самому университету и публичное же осуждение его «гонителя», Рунича.

18 ноября 1821 года бывший попечитель осмелился обратиться к Александру I с личным письмом, изобличающим подлинные намерения «гасильников просвещения» и отстаивавшим репутацию «ученого сословия». Он пытался донести мысль о том, что сами Магницкий и Рунич — это «провокаторы беспорядка, являющиеся скорее горсткой людей без признания, у которых в сердце желчь, а на устах милосердие, от рождения враги всего позитивного, прикрывающиеся священными именами, чтобы присвоить себе авторитет и вести подкоп под основание установленного порядка, фанатики с холодной кровью, изгонители духов, духовидцев, квакеров, масонов, ланкастеров, методистов, кого угодно, только не настоящие люди и граждане, претендующие защищать алтарь и трон против атак, которых нет, и распространяющие тем временем сомнения в истинных опорах алтаря и трона; известные комедианты, которые используют все маски, чтобы внести смуту в души, встревожить дух каждого, и создающие вокруг себя мнимые опасности»⁴⁹.

К сожалению, «глас правды» не был услышан. Напротив, император выразил «неудовольствие» Уварову через министра Голицына за резкий тон и формулировки этого письма. «Дело профессоров» при жизни Александра I прекращено не было [18]. Уваров мог предвидеть такой исход уже в начале консервативно-клерикального поворота в политике просвещения, связанного с назначением Голицына. Не идеализировал он и самого императора, не готового твердо следовать реформаторским намерениям, заявленным в начале царствования. В 1817 году он писал Н. И. Тургеневу: «Мы живем в столетие обманутых надежд. Трудно родиться на троне и быть одного достойным»⁵⁰.

Личные уроки из событий 1817–1821 годов, которые не мог не извлечь Уваров, во многом объясняют его позднейшую карьерную стратегию, а также в значительной мере и риторику его многочисленных программных записок по делам управления просвещением, которые составлялись им уже в новое царствование, в расчете прежде всего на их главного читателя, Николая I. Уваров-министр избегал субъектности в своих заключениях, не высказывался по идеологически значимым вопросам от собственного имени, аргументируя и одновременно маскируя свою главную идею о необходимости для России «образования европейского, необходимого в нашем веке» [6] цветистыми оборотами, отсылками к исторической традиции, особому «русскому духу», политической конъюнктуре.

Однако объективные исторические итоги противостояния Уварова и его немногих союзников «линии Магницкого» как линии контрреформ в политике просвещения нельзя недооценивать. В значительной степени благодаря его вмешательству, стойкости и последовательности удалось предотвратить закрытие Казанского университета, ослабить некоторые цензурные репрессии, дать возможность С.-Петербургскому университету, только что созданному на базе Главного педагогического института, отстоять свою самостоятельность. Для самого С. С. Уварова ощущение себя если не в одиночестве, то в меньшинстве в противостоянии «линии Магницкого» в политике МНП, провал его основных просветительских инициатив и откровенная клевета, обрушенная на него и его деятельность Руничем и Магницким, безусловно, стали ударом по самолюбию, карьере и репутации. Его отставка имела вид протеста против «линии Магницкого».

Таким образом, в 1819–1821 годах был задан новый вектор образовательной политики МНП, подготовленный законодательными реорганизациями, кадровым обновлением и идеологическим штурмом в духе «мнений» Магницкого, адресованных ГПУ, министру и самому императору. Эти тексты объявляли необходимость похода против всеевропейского революционного заговора, неверия, «иллюминатства», политического и академического. Контрреформы в просвещении длились вплоть до 1824 года, до назначения министром А. С. Шишкова и дезавуирования политики клерикализации и избыточного полицейского надзора за преподаванием, учащими и учащимися. Важными установками нового министра были упорядочение бюрократических структур министерства, приведение в порядок дел, ротация чиновников. К тому времени через свои каналы влияния Уваров сумел сформировать в общественно-литературной среде и высшем свете объективное представление о пагубности действий Рунича и Магницкого, особенно наглядной в «деле профессоров» С.-Петербургского университета. В 1826 году контрреформаторы окончательно потеряли былое влияние и были разоблачены как клеветники и коррупционеры.

Список сокращений

ГПИ — Главный педагогический институт

ГПУ — Главное правление училищ

ИРЛИ РО — Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук

МНП — Министерство народного просвещения

ПИ — Педагогический институт

РНБ ОР — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

РГИА — Российский государственный исторический архив

ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Примечания

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 183. Дела об организации в составе Главного педагогического института второго разряда для подготовки учителей народных училищ, о критических замечаниях комитета для училищ взаимного обучения по поводу метода преподавания в институте в учительский институт при Петербургском университете. 6 апреля 1817 г. — 24 января 1821 г. Л. 70.

² Воронов А. С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С. Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно / Сост. по поручению г. попечителя С. Петерб. учеб. окр. т. с. М. Н. Мусина-Пушкина. Санкт-Петербург: тип. Я. Трея, 1849. С. 101–102.

³ РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 20. Журналы по главному правлению училищ за 1821 год. Л. 218–219.

⁴ ОР РНБ. Ф. 468. Ед. хр. 1. «Всячина». Выписки из различных произведений. Л. 6, 12, 14, 20.

⁵ Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 110.

⁶ С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919. Материалы по истории С.-Петербургского университета. Т. 1. 1819–1835. Ред. С. В. Рождественского. Пг., 1919. С. 63–69; 78–87.

⁷ Мнение И. И. Мартынова по делу о профессорах Германе, Раупахе, Галиче, Шармуа, Деманже и адъюнкте Арсеньеве // Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1: Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. С. 377–378.

⁸ Уваров С. С. Опыт автобиографии, посвященный моему сыну. 1852 // Тетради по консерватизму: Альманах. 2018. № 1. С. 305.

⁹ ОР РНБ. Ф. 203. Д. 13. А. Н. Голицын. Выписки и записи религиозно-нравственного содержания. Л. 32–33.

¹⁰ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1802–1825. СПб., 1864. Стб. 971.

¹¹ Там же. Л. 3, 32–33.

¹² Панаев В. И. Воспоминания // Вестник Европы. 1867. Т. 4, № 12. С. 73.

¹³ РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 22. Журналы по главному правлению училищ за 1823 год. Л. 244.

¹⁴ РГИА. Ф. 734. Оп. 1. Д. 5. По предложению члена Ученого комитета А. С. Стурдзы о составлении инструкции для сего комитета. 1818 г. Л. 1–15.

¹⁵ Вигель Ф. Ф. Записки. М.: Захаров, 2000. С. 118.

- ¹⁶ Греч Н. И. Записки о моей жизни / [соч. Н. И. Греча; изд. под ред. П. С. Усова]. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1886. С. 294.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 1. Д. 101. Дело о бытии действительному статскому советнику Руничу членом Главного правления училищ и о пожаловании ему 5000 рублей. 1819 г. Л. 1–9.
- ¹⁸ ОР РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 2310. П. Д. Лодий. Письмо министру народного просвещения А. С. Шишкову о сделанных им замечаниях по поводу системы работы попечителя Казанского университета М. Л. Магницкого. 10 ноября 1825 г. Л. 7–8.
- ¹⁹ Греч Н. И. Записки о моей жизни / [соч. Н. И. Греча; изд. под ред. П. С. Усова]. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1886. С. 289–290.
- ²⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 259. Дела о ревизии Казанского университета М. Л. Магницким и проведенных им реакционных мероприятиях, и увольнении профессоров, и назначении на их место новых, насаждении начал церковности и мракобесия. 10 февраля 1819 г. — 12 января 1822 г. Л. 48.
- ²¹ Сборник постановлений... 1864. Стб. 1322–1327.
- ²² С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919. Материалы по истории С.-Петербургского университета. Т. 1. 1819–1835 / под ред. С. В. Рождественского, подг. И. С. Маяковский и А. С. Николаев, Пг.: 2-я гос. типография, 1919. С. 231.
- ²³ РО ИРЛИ РАН. Ф. 263. Оп. 3. Д. 10. Мнение Магницкого о науке естественного права. Л. 2.
- ²⁴ РО ИРЛИ РАН. Ф. 263 (Д. П. Рунич). Оп. 3. Д. 2. Выписки из журнала Ученого комитета Главного правления училищ. 1819–1826 гг. Л. 1, 23, 27, 28, 30, 38, 48, 49.
- ²⁵ Рунич Д. П. Из записок // Русская старина. 1901. Т. 106, № 5. С. 382.
- ²⁶ РО ИРЛИ РАН. Ф. 263 (Д. П. Рунич). Оп. 3. Д. 43. Записка о расстройстве университета. Л. 40–50.
- ²⁷ Греч Н. И. Записки о моей жизни... 1886. С. 294.
- ²⁸ [Письмо бывшего попечителя Санкт-Петербургского учебного округа С. С. Уварова к императору Александру I] // Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1. СПб.: А. С. Суворин, 1889. С. 378–379.
- ²⁹ Архив братьев Тургеневых. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816–1924 годы. Петроград: Академ. 12-я гос. типография, 1921. Т. 3. С. 248.
- ³⁰ Уваров С. С. Речь Президента Императорской Академии Наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, в торжественном собрании Главного педагогического института, 22 марта 1818 года // Уваров С. С. Государственные основы / сост., предисл. и коммент. В. Б. Трофимовой, отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2014. С. 287–317.
- ³¹ Тургенев Н. И. Письма к брату С. И. Тургеневу. 1811–1824. [Подг. текста, коммент, вступ. статья А. Н. Шебунина]. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1936. С. 254.
- ³² РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 16. Журналы по главному правлению училищ за 1817 год. Л. 68.
- ³³ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 183. Л. 26, 70–73.
- ³⁴ То же. Л. 121; Воронов А. С. Историко-статистическое обозрение... С. 120.
- ³⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 259. Л. 187.
- ³⁶ То же. Л. 188.
- ³⁷ То же. Л. 193.
- ³⁸ РО ИРЛИ РАН. Ф. 263 (Д. П. Рунич). 3. Д. 10. Л. 1.
- ³⁹ РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 20. Журналы по главному правлению училищ за 1821 год. Л. 18–20.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же. Л. 35–36.
- ⁴² Там же. С. 137.
- ⁴³ РО ИРЛИ РАН. Ф. 263 (Д. П. Рунич). Оп. 3. Д. 42. Мнение и докладная записка его о ланкастерских методах. Л. 22.
- ⁴⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 183. Л. 151.
- ⁴⁵ Там же. Л. 129.
- ⁴⁶ С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919. Материалы... С. 131–140.
- ⁴⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 1. Д. 101. Л. 47.
- ⁴⁸ Там же. Л. 69.
- ⁴⁹ Письмо бывшего попечителя... С. 382–383.
- ⁵⁰ Архив братьев Тургеневых... 1921. Т. 3. С. 83.

Список источников

1. Шевченко М. М. Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М.: Три квадрата, 2003. 256 с.
2. Зверева Н. А. Общественно-политические взгляды С. С. Уварова: автореферат дис. ... канд. исторических наук / Волгогр. гос. ун-т. Волгоград, 2005. 34 с.
3. Удалов С. В. Империя на якоре: государственная идеология, власть и общество в России второй четверти XIX века. Саратов: изд. Саратовского ун-та, 2018. 256 с.
4. Гаврилов И. Б. Сергей Семенович Уваров. Жизнь. Труды. Мировоззрение // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии: научный журнал. СПб.: Изд-во СПбПДА, 2017. № 2 (4); 2019. С. 131–191.
5. Жуковская Т. Н., Пустовойт И. С. С. С. Уваров и его проекты 1811–1821 годов (к 200-летию преобразования Главного Педагогического института в Санкт-Петербургский университет) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 10, № 7 (17). С. 113–129.
6. Жуковская Т. Н., Ростовцев Е. А. «Образование в своем отечестве»: университетская политика Николая I, идеология и прагматика // Родина. 2013. № 3. С. 93–96.
7. Шмид Е. К. История средних учебных заведений в России. Санкт-Петербург: Типография В. С. Балашева, 1878. 683 с.
8. Парсамов В. С., Удалов С. В. Сергей Семенович Уваров // Уваров С. С. Избранные труды / Сергей Семенович Уваров; сост., авт. вступ. ст. и коммент.: В. С. Парсамов, С. В. Удалов; авт. пер. В. С. Парсамов. М.: Российская политическая энцикл. (РОССПЭН), 2010. С. 5–54.
9. Назаренко Е. Ю. Князь А. Н. Голицын в общественно-политической и религиозной истории России первой половины XIX века: монография / науч. ред. А. Ю. Минаков. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2014. 188 с.
10. Кондаков Ю. Е. Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века. СПб.: Рос. нац. б-ка, 2003. 360 с.
11. Дубровин Н. Ф. После отечественной войны 1812 года (из русской жизни начала XIX в.); Наши мистики-сектанты. СПб.: ДНК, 2009. 604 с.
12. Минаков А. Ю. Предтечи С. С. Уварова в поисках идеологического обоснования правительственной политики в области народного просвещения в 1817–1825 годах // Тетради по консерватизму: Альманах. 2018. № 1. С. 145–165.
13. Азизова Е. Н. Общественно-политическая деятельность Д. П. Рунича: монография. Воронеж, 2014. 163 с.
14. Флоровский Г. В. Пути русского богословия / отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.
15. Шильдер Н. К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Т. IV. СПб.: Изд. А. С. Суворин, 1898. 716 с.
16. Flynn James T. S. S. Uvarov's "Liberal" Years // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge, Bd. 20. H. 4 (Dezember 1972). Pp. 481–491.
17. Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1: Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. СПб., 1889. 671 с.
18. Жуковская Т. Н. «Дело профессоров» 1821 года в Петербургском университете: новые интерпретации // Ученые записки Казанского университета. Сер. гуманитарных наук. 2019. Т. 161, кн. 2–3. С. 96–111.
19. Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры: (1700–1863 г.). СПб.: Ф. Павленков, 1892. 495 с.
20. Жуковская Т. Н. Дворянский либерализм: споры о конституциях и рабстве в русских журналах 1800–1810-х гг. Мастер-лекция. Петрозаводск, 2002. 42 с.
21. Пыпин А. Н. Исследования и статьи по эпохе Александра I. Т. 1: Религиозные движения / предисл. и примеч. Н. К. Пиксанова. Пг.: Огни, 1916. 486 с.
22. Рождественский С. В. Первоначальное образование С. Петербургского университета 8 февраля 1819 года и его ближайшая судьба // С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919. Материалы по истории С.-Петербургского университета. Т. 1. 1819–1835 / под ред. С. В. Рождественского. Пг., 1919. С. III–CXLVII.

23. Пустовойт И. С., Жуковская Т. Н. С. С. Уваров и его нереализованный проект устава Санкт-Петербургского университета 1819 года // Труды Кольского научного центра. Гуманитарная серия. 2021. Т. 12, № 1 (20). С. 81–103.
24. Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: Академический проект, 1999. 350 с.
25. Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. 679 с.

References

1. Shevchenko M. M. Konets odnogo Velichiya: Vlast', obrazovanie i pechatnoe slovo v Imperatorskoy Rossii na poroge Osvoboditel'nykh reform [The End of One Greatness: Power, Education and the Press in Imperial Russia before the Liberation Reforms]. Moscow, Tri kvadrata, 2003, 256 p. (In Russ.).
2. Zvereva N. A. *Obshchestvenno-politicheskie vzglyady S. S. Uvarova: avtoreferat dis. ... kand. istoricheskikh nauk* [Socio-political views of S. S. Uvarov. PhD (History) abstract of the dis.]. Volgograd, 2005, 34 p. (In Russ.).
3. Udalov S. V. *Imperiya na yakore: gosudarstvennaya ideologiya, vlast' i obshchestvo v Rossii vtoroy chetverti XIX veka* [Empire at anchor: State Ideology, Power and Society in Russia of the second quarter of the 19th century]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo un-ta, 2018, 256 p. (In Russ.).
4. Gavrilov I. B. Sergej Semenovich Uvarov. Zhizn'. Trudy. Mirovozzrenie [Sergey Semenovich Uvarov. Life. Proceedings. Worldview]. *Trudy kafedry bogoslovija Sankt-Peterburgskoj duhovnoj akademii: nauchnyj zhurnal* [Proceedings of the Theology Department of the St. Petersburg Theological Academy: scientific journal]. Saint Petersburg, Publishing House of SPbPDA, 2017, no. 2 (4); 2019, pp. 131–191. (In Russ.).
5. Zhukovskaja T. N., Pustovojt I. S. S. S. Uvarov i ego proekty 1811–1821 godov (k 200-letiju preobrazovanija Glavnogo Pedagogicheskogo instituta v Sankt-Peterburgskij universitet). *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. Gumanitarnye issledovaniya* [Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Humanitarian Studies], 2019, vol. 10, no. 7 (17), pp. 113–129. (In Russ.).
6. Zhukovskaja T. N., Rostovcev E. A. "Obrazovanie v svoem otechestve": universitetskaja politika Nikolaja I, ideologiya i pragmatika ["Education in the Fatherland": University policy of Nicholas I, ideology and pragmatics]. *Rodina* [Homeland], 2013, no. 3, pp. 93–96. (In Russ.).
7. Shmid E. K. *Istorija srednih uchebnykh zavedenij v Rossii* [History of secondary educational institutions in Russia]. Saint Petersburg, Tip. V. S. Balasheva, 1878, 683 p. (In Russ.).
8. Parsamov V. S., Udalov S. V. Sergej Semenovich Uvarov [Sergey Semenovich Uvarov]. Uvarov S. S. *Izbrannye Trudy. Sergej Semenovich Uvarov*. Moscow, Rossijskaja politicheskaja jencikl. (ROSSPEN), 2010, pp. 5–54. (In Russ.).
9. Nazarenko E. Ju. Knjaz' A. N. Golitsyn v obshchestvenno politicheskoy i religioznoj istorii Rossii pervoj poloviny XIX veka [Prince A. N. Golitsyn in the socio-political and religious history of Russia in the first half of the XIX century]. Voronezh, Izdatel'skij dom VGU, 2014, 188 p. (In Russ.).
10. Kondakov Ju. E. *Gosudarstvo i pravoslavnaja cerkov' v Rossii: jevoljucija otnoshenij v pervoj polovine XIX veka* [The State and the Orthodox Church in Russia: the evolution of relations in the first Half of the XIX century]. Saint Petersburg, Ros. nac. b-ka, 2003, 360 p. (In Russ.).
11. Dubrovin N. F. *Posle otechestvennoj vojny 1812 goda (iz russkoj zhizni nachala XIX v.); Nashi mistiki-sektanty* [After the Patriotic War of 1812: (from the Russian life of the beginning of the XIX century); Our mystics are sectarians]. Saint Petersburg, DNK, 2009, 604 p. (In Russ.).
12. Minakov A. Ju. Predtechi S. S. Uvarova v poiskah ideologicheskogo obosnovanija pravitel'svennoj politiki v oblasti narodnogo prosveshhenija v 1817–1825 godah [The forerunners of S. S. Uvarov in search of an ideological justification of government policy in the field of public education in 1817–1825]. *Tetrad' po konservatizmu* [Notebooks on conservatism], 2018, no. 1, pp. 145–165. (In Russ.).
13. Azizova E. N. *Obshchestvenno-politicheskaja dejatel'nost' D. P. Runicha* [D. P. Runich's socio-political activity]. Voronezh, 2014, 163 p. (In Russ.).
14. Florovskij G. V. *Puti russkogo bogoslovija* [The Ways of Russian Theology]. Moscow, Institut russkoj civilizacii, 2009, 848 p. (In Russ.).
15. Shil'der N. K. *Imperator Aleksandr Pervyj, ego zhizn' i carstvovanie* [Emperor Alexander the First, his life and reign]. T. IV. Saint Petersburg, Izd. A. S. Suvorin, 1898, 716 p. (In Russ.).

16. Flynn James T. S. S. Uvarov's "Liberal" Years. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge*, Bd. 20, H. 4 (Dezem. 1972), pp. 481–491.
17. Suhomlinov M. I. *Issledovanija i stat'i po russkoj literature i prosveshheniju. T. 1: Materialy dlja istorii obrazovanija v Rossii v carstvovanie imperatora Aleksandra I* [Research and articles on Russian literature and Enlightenment. Vol. 1: Materials for the History of education in Russia during the reign of Emperor Alexander I]. Saint Petersburg, 1889, 671 p. (In Russ.).
18. Zhukovskaja T. N. "Delo professorov" 1821 goda v Peterburgskom universitete: novye interpretacii ["The Case of Professors" in 1821 at St. Petersburg University: new interpretations]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. gumanitarnyh nauk* [Scientific notes of Kazan University. Ser. humanities], 2019, vol. 161, books 2–3, pp. 96–111. (In Russ.).
19. Skabichevskij A. M. *Oчерки istorii russkoj cenzury: (1700–1863 g.)* [Essays on the History of Russian censorship: (1700–1863)]. Saint Petersburg, F. Pavlenkov, 1892, 495 p. (In Russ.).
20. Zhukovskaja T. N. *Dvorjanskij liberalizm: spory o konstitucijah i rabstve v russkikh zhurnalakh 1800–1810-h gg.* [Noble Liberalism: Disputes about Constitutions and Slavery in Russian Journals of the 1800s–1810s]. Petrozavodsk, 2002, 42 p. (In Russ.).
21. Pypin A. N. *Issledovanija i stat'i po jepohe Aleksandra I. T. 1: Religioznye dvizhenija* [Studies and articles on the era of Alexander I. Vol. 1: Religious Movements]. Petrograd, Ogni, 1916, 486 p. (In Russ.).
22. Rozhdestvenskij S. V. *Pervonachal'noe obrazovanie S. Peterburgskogo universiteta 8 fevralja 1819 goda i ego blizhajshaja sud'ba* [The initial formation of St.-Petersburg University on February 8, 1819 and its immediate fate]. *S.-Peterburgskij universitet v pervoe stoletie ego dejatel'nosti. 1819–1919. Materialy po istorii S.-Peterburgskogo universiteta*. Vol. 1, 1819–1835. Red. S. V. Rozhdestvenskogo. Petrograd, 1919, pp. III–CXLVII. (In Russ.).
23. Pustovoyt I. S., Zhukovskaya T. N. S. S. Uvarov i ego nerealizovannyj proekt ustava Sankt-Peterburgskogo universiteta (1819 g.) [Uvarov and his unrealized project of St. Petersburg University statute (1819)]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. Gumanitarnye issledovanija* [Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Humanitarian Studies], 2021, vol. 12, no. 1 (20), pp. 81–103. (In Russ.).
24. Whittaker C. *Graf Sergey Semyonovich Uvarov i ego vremya* [Count S. S. Uvarov and his time]. Saint Petersburg, Akademicheskij proekt, 1999, 352 p. (In Russ.).
25. Grigor'ev V. V. *Imperatorskij Sankt-Peterburgskij universitet v techenie pervyh pjatidesjati let ego sushhestvovanija* [Imperial Saint-Petersburg University during the first fifty years of its existence]. Saint Petersburg, 1870, 679 p. (In Russ.).

Информация об авторах

И. С. Пустовойт — аспирант;

Т. Н. Жуковская — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the authors

I. S. Pustovoyt — graduate student;

T. N. Zhukovskaya — PhD (History), Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 30.03.2023; одобрена после рецензирования 07.04.2023; принята к публикации 21.04.2023.
The article was submitted 30.03.2023; approved after reviewing 07.04.2023; accepted for publication 21.04.2023.